

Религиозные нормы как основа для дифференциации уголовной ответственности: на примере норм о преступлениях в области инновационной деятельности

В. Н. НЕКРАСОВ – начальник организационно-научного отдела, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье предпринимается попытка изучения вопроса о том, как в различные исторические периоды развития России проводилась дифференциация ответственности за преступления в области инновационной деятельности. Религиозные нормы позволяют не только провести грань между преступным и не преступным, но и влиять на определение тяжести преступления и его общественной опасности в сравнении с другими противоправными деяниями. Однако является ли это универсальным правилом? В данной работе автор акцентирует внимание на исследовании оснований дифференциации уголовной ответственности применительно к такой группе общественно опасных деяний, как преступления в области инновационной деятельности. Ответ на поставленный автором вопрос невозможно получить без комплексного исследования религиозных норм, понимания сущности и средств дифференциации ответственности, определения понятия преступлений в области инновационной деятельности, роли церкви в системе регулирования общественных отношений.

В работе сделан вывод, что на сегодняшний день однозначно определить типовую степень общественной опасности такой группы общественно опасных деяний, как преступления в области инновационной деятельности, достаточно сложно. Связано это в том числе с тем, что указанные преступления не систематизированы и разбросаны по различным главам УК РФ. В этой связи одной из задач науки уголовного права является определение понятия, видов и общественной опасности преступлений в области инновационной деятельности. В противном случае это может привести к неоправданному включению в уголовный закон норм, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, уголовная наказуемость которых сомнительна.

Ключевые слова: инновационная деятельность; преступление; религиозная норма.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Religious norms as a basis for differentiating criminal responsibility: the example of norms on crimes in the field of innovation

V. N. NEKRASOV – Head of the Organizational and Scientific Department, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article attempts to study the issue of how differentiation of responsibility for crimes in the field of innovative activity was carried out in different historical periods of the development of Russia. Religious norms allow not only to draw a line between criminal and non-criminal, but also to influence the determination of the gravity of a crime and its social danger in comparison with other illegal acts. However is this a universal rule? In this work the author focuses on the study of the grounds for differentiating criminal liability in relation to such a group of socially dangerous acts as crimes in the field of innovation. The answer to the question posed by the author cannot be obtained without a comprehensive study of religious norms, an understanding of the nature and means of differentiating

responsibility, defining the concept of crimes in the field of innovation, the role of the church in the system of regulating social relations.

The paper concludes that today it is quite difficult to determine the typical degree of social danger of such a group of socially dangerous acts as crimes in the field of innovation. This is due to the fact that these crimes are not systematized and are scattered across various chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. In this regard one of the tasks of the science of criminal law is the definition of the concept, types and public danger of crimes in the field of innovation. Otherwise this may lead to the unjustified inclusion in the criminal law of the rules establishing criminal liability for acts whose criminal penalties are doubtful.

Key words: innovation activity; the crime; religious norm.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Религия и церковь во все времена занимали центральное место в системе общественных отношений. Безусловно, это находило отражение и в конструировании правовых норм. Религиозные нормы содержат в себе первичные социальные правила поведения, которые в ряде случаев трансформируются в правовые нормы. Более того, религиозные установки могут не только служить основанием для создания правовых норм, но и выступать средством дифференциации ответственности. Для уголовного права это не является исключением. Религиозные нормы в таком случае не только позволяют провести грань между преступным и непроступным, но и влиять на определение тяжести преступления и его общественной опасности в сравнении с другими противоправными деяниями. Однако является ли это универсальным правилом? Ответ на данный вопрос невозможно получить без комплексного исследования религиозных норм, понимания сущности и средств дифференциации ответственности, определения понятия преступления в области инновационной деятельности, роли церкви в системе регулирования общественных отношений.

В юридической литературе немало исследований посвящено вопросам понятия, сущности, средств и оснований дифференциации уголовной ответственности. Между тем правоприменители нередко испытывают затруднения при проведении дифференциации ответственности на основе УК РФ.

Обратимся к дифференциации уголовной ответственности применительно к такой группе общественно опасных деяний, как преступления в области инновационной деятельности.

При определении содержания категории «дифференциация уголовной ответственности» мнения правоведов расходятся. Так, А. В. Васильевский под ней понимает «предусмотренное уголовным законом различие

вида, объема и характера негативных последствий в виде лишения и правоограничений для совершившего конкретное преступление лица в зависимости от изменения степени и характера общественной опасности данного лица и совершенного им деяния, а также в соответствии с принципом гуманизма» [3, с. 94]. Т. А. Лесниевски-Костарева определяет дифференциацию уголовной ответственности как градацию, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате чего законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного [7, с. 38]. По мнению О. Г. Соловьева, сущность дифференциации уголовной ответственности заключается в «различении, разграничении, разделении в уголовном законе ответственности, предусматривающей применение к виновному лицу различных видов и размеров наказания (или освобождение от него) либо иных мер уголовно-правового воздействия в зависимости от типовой степени и характера общественной опасности преступлений и типовой степени общественной опасности личности преступника» [9, с. 67–68]. М. Н. Каплин полагает, что дифференциация уголовной ответственности представляет собой установление в уголовном законе различных пределов наказуемости в зависимости от различий в характере и степени общественной опасности преступлений и лиц, их совершивших [4, с. 11–12]. П. В. Коробов считает, что дифференциация уголовной ответственности представляет собой предусмотренное в федеральных законах деление обязанности лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению, наказанию и судимости, основанное на учете степени и характера общественной опасности преступления и степени общественной опасности личности преступника [5, с. 10].

На наш взгляд, дифференциация уголовной ответственности представляет собой градацию, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, результатом чего являются различные уголовно-правовые последствия.

В науке уголовного права на протяжении длительного периода ведется дискуссия о том, что является основанием дифференциации уголовной ответственности. Вместе с тем в современной уголовно-правовой доктрине является общепризнанным мнение, что деяние должно быть общественно опасным, поскольку именно это свойство позволяет законодателю принять положительное решение о включении в Особенную часть УК РФ нормы, которая устанавливает уголовную ответственность за совершение этого деяния [6, с. 275–276]. Однако указанный критерий является очень подвижным и непостоянным. Учеными отмечаются такие дополнительные характеристики отмеченного свойства, как типовая степень общественной опасности содеянного, типовая степень опасности лица, совершившего преступление, обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, форма вины [8, с. 38; 10, с. 7]. Вместе с тем следует отметить, что упомянутые критерии также подвергаются справедливой критике [6, с. 277].

В результате получается, что в настоящее время отсутствуют ясные критерии определения общественной опасности преступления как основания для дифференциации ответственности. Решение обозначенной проблемы видится в точном и грамотном определении в каждом конкретном случае общественной опасности деяния. Однако указанная ситуация осложняется тем, что на различных этапах исторического развития понимание общественной опасности трактовалось по-разному. В этой связи ряд исследователей отмечают, что только религиозные постулаты являются той непрекаемой основой построения любых общественных отношений в любое время без исключения, которая представляет собой первичную основу для дифференциации ответственности [6, с. 280]. Как верно отмечает Е. В. Бабошина, «тесная связь права и религии характерна практически для всех правовых систем народов мира. Нет ни одной системы древнего писанного права, которая не включала бы религиозные предписания и ритуальные правила» [2].

Попытаемся выяснить, верно ли указанное утверждение, на примере такой группы общественно опасных деяний, как престу-

пления в сфере инновационной деятельности.

В отличие от общеуголовных преступлений, известных еще со времен древнейших памятников отечественного уголовного права, преступления в сфере инновационной деятельности до сих пор не выделяются российским законодателем в отдельную группу противоправных деяний. Вместе с тем общественные отношения, складывающиеся в сфере инновационной деятельности, существовали в российском государстве с давних времен, однако в качестве инновационных они тогда не обозначались. Как правило, их называли отношениями, которые возникали в связи с изобретательской, исследовательской и научной деятельностью, а также значимыми научными достижениями.

В античный период к проявлениям инновационной деятельности можно отнести первые труды по математике, механике, астрономии. Вместе с тем нередко ученые и новаторы признавались еретиками, чернокнижниками, а их изобретения попадали под запрет или уничтожались. На протяжении многих веков роль инновационной деятельности была ничтожна и подчинялась религиозным догмам и стереотипам, так как государство с помощью церкви стремилось максимально контролировать все сферы жизни общества, в том числе и новые знания и изобретения.

Например, в XVII в. состоялся судебный процесс по обвинению боярина Артамона Сергеича Матвеева, который был одним из любимцев царя Федора Алексеевича. Враги боярина для отдаления его от царя и двора обвинили его в чародействе, доказать которое в то время было несложно: достаточно было иметь при себе какую-нибудь иностранную книгу и медицинские пособия [1]. На Артамона Сергеича донесли, что якобы он вместе с доктором Стефаном и переводчиком Спафари, запершись в палате, читали черную книгу, и в то время явилось к ним множество нечистых духов. В результате боярин был признан виновным и сослан в заточение с лишением дворянства. Согласно другому судебному процессу доктор фон Гаден был осужден к смерти за то, что у него в доме нашли сушеных змей [1, с. 131].

Нельзя не отметить, что в приведенных примерах судебных дел лица были признаны виновными в совершении преступлений, которые в настоящее время как минимум являются общественно безопасными. Более того, виновные лица, по сути своей, занима-

лись в анализируемый исторический период инновационной деятельностью, а именно изобретательством и поддержкой научных исследований, что сейчас именуется как создание инновационной инфраструктуры.

В начале XVIII в. в российском уголовном праве впервые формируется стройная система преступлений, изложенная прежде всего в Воинском артикуле 1715 г. Примечательно, что в данном законодательном акте первое место занимали религиозные преступления, и возглавляет их перечень именно чародейство. Как уже отмечалось, нередко обвинение по данному преступлению выносилось в отношении людей, которые занимались научной или изобретательской деятельностью. В этой связи обращает на себя внимание тяжесть наказания за анализируемое деяние. В частности, чародейство наказывалось смертной казнью (сожжением) при условии, что будет доказано сношение обвиняемого с дьяволом. В противном случае назначались тюремное заключение и телесное наказание. На примере данного преступления видно, что законодатель наиболее общественно опасным преступлением считает именно посягательство на общественные отношения в области религии и церкви и только после этого посягательство на иные правоохраняемые объекты. Так, например, преступления против жизни и здоровья, которые считаются сегодня наиболее общественно опасными, законодатель XVIII в. располагал лишь в девятнадцатой главе. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что при проведении дифференциации ответственности в Воинском артикуле 1715 г. законодатель отдает приоритет для государства и общества религиозным преступлениям, а уже после преступления в сфере жизни и здоровья. К сожалению, с таким положением дел нельзя согласиться, особенно учитывая тот факт, что нередко за чародейство уголовному наказанию подлежали люди, занимавшиеся исследованиями, которые продвигали вперед различные сферы общественной жизни.

Некоторое смягчение за анализируемый вид преступления в области инновационной деятельности произошло в 1722 г. Так, с 1722 г. смертная казнь за «ложные чудеса» заменялась ссылкой на галеры, с 1754 г. – кнутом и плетью.

Приведенные примеры позволяют сделать как минимум три вывода.

Во-первых, на примере преступлений в области инновационной деятельности очевидно, что граница преступного и непре-

ступного является очень уязвимой и неустойчивой. Так, одни и те же поступки людей в разные исторические периоды понимаются по-разному. Сегодня люди, занимающиеся исследованиями и разработками, воспринимаются как специалисты, от которых зависит будущее государства и общества. В XVIII в. указанная категория людей признавалась еретиками, а их деятельности считалась преступной. И как раз религиозные нормы были положены в основу не вполне удачной дифференциации уголовной ответственности за анализируемую группу преступлений.

Во-вторых, во все исторические периоды законодатель рассматривает инновационную деятельность как сферу активного государственного внимания ввиду ее важности для государства и общества. Об этом, в частности, свидетельствует то, что нормы о преступлениях в рассматриваемой сфере в Воинском артикуле 1715 г. были расположены в разделе, посвященном преступлениям против церкви, и занимали первое место в системе преступлений. Отмеченное позволяет заключить, что признаки публичного характера общественных отношений в области инновационной деятельности характерны для различных периодов государственности.

Конечно, не всех чародеев следует причислять к инноваторам, но вместе с тем их число, а самое главное результаты труда были весомыми для развития науки того периода. В этой связи в ряде случаев преступления в сфере инновационной деятельности относились к группе религиозных. Подтверждением этого является, в частности, то, что виновные лица при совершении преступлений в области инновационной деятельности используют для этого те же методы, что применяются при создании инновации или результата инновационной деятельности.

В-третьих, на примере анализа понимания законодателем общественной опасности отдельных преступлений в области инновационной деятельности сложно согласиться с тем, что первичными основаниями дифференциации ответственности выступают религиозные нормы. Наиболее предпочтительной, на наш взгляд, является позиция, относящая к основаниям дифференциации уголовной ответственности характер и типовую степень общественной опасности преступления, а также типовые характеристики личности виновного. Вместе с тем следует отметить, что в ряде

случаев как раз религиозные нормы могут быть первичным основанием дифференциации. Так, например, заповедь «Не убий» органично детализирована в группу норм действующего УК РФ, посвященных охране общественных отношений в области жизни и здоровья человека. Однако указанное правило нельзя признать универсальным и устойчивым.

Таким образом, однозначно определить типовую степень общественной опасности такой группы общественно опасных деяний, как преступления в области инноваци-

онной деятельности, достаточно сложно. Связано это в том числе с тем, что указанные преступления не систематизированы и разбросаны по различным главам закона. В этой связи одной из задач науки уголовного права является определение понятия, видов и общественной опасности преступлений в области инновационной деятельности. В противном случае это может привести к неоправданному включению в УК РФ норм, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, уголовная наказуемость которых сомнительна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасьев, А. Н.** Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 томах. Том 3 / А. Н. Афанасьев. – Москва : Академический проект, 2013. – 362 с. – ISBN 978-5-8291-1461-9.
2. **Бабошина, Е. В.** Право и религия: теоретико-правовые аспекты взаимодействия / Е. В. Бабошина // Юристы-Правоведь. – 2009. – № 5. – С. 33–37.
3. **Васильевский, А. В.** Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. В. Васильевский. – Ярославль, 2000. – 219 с.
4. **Каплин, М. Н.** Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М. Н. Каплин. – Екатеринбург, 2003. – 187 с.
5. **Коробов, П. В.** Дифференциация уголовной ответственности в классификации уголовно наказуемых деяний : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / П. В. Коробов. – Москва, 1983. – 225 с.
6. **Лапшин, В. Ф.** Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. Ф. Лапшин. – Рязань, 2016. – 446 с.
7. **Лесниевски-Костарева, Т. А.** Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА, 2000. – 400 с. – ISBN 5-89123-449-1.
8. **Мельникова, Ю. Б.** Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания / Ю. Б. Мельникова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 115 с. – ISBN 5-7470-0033-0.
9. **Соловьев, О. Г.** Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / О. Г. Соловьев. – Ярославль, 2002. – 222 с.
10. **Чугаев, А. П.** Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних : учебное пособие / А. П. Чугаев. – Краснодар : Кубан. ун-т, 1979. – 96 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskih predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov. Tom 3* [Slavic poetic views on nature: the experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other kindred peoples. Vol. 3]. Moscow, 2013. 362 p. (In Russ.).
2. Baboshina E. V. *Pravo i religiya: teoretiko-pravovye aspekty vzaimodejstviya* [Law and religion: theoretical and legal aspects of interaction]. *YUrist'-Pravoved* – *Lawyer-Legist*, 2009, no. 5, pp. 33–37. (In Russ.).
3. Vasil'evskij A. V. *Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya v Obshej chasti ugolovnogo prava. Diss. kand. yurid. nauk* [Differentiation of criminal liability and punishment in the General part of criminal law. Diss. PhD. in Law]. Yaroslavl, 2000. 219 p. (In Russ.).
4. Kaplin M. N. *Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. Diss. kand. yurid. nauk* [Differentiation of criminal liability for crimes against life and health. Diss. PhD. in Law]. Yekaterinburg, 2003. 187 p. (In Russ.).
5. Korobov P. V. *Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti v klassifikacii ugolovno nakazuemykh deyanij. Diss. kand. yurid. nauk* [Differentiation of criminal liability in the classification of criminal offenses. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 1983. 225 p. (In Russ.).
6. Lapshin V. F. *Teoreticheskie osnovy ustanovleniya i differenciacii otvetstvennosti za finansovye prestupleniya. Diss. dokt. yurid. nauk* [Theoretical foundations for establishing and differentiating liability for financial crimes. Diss. Dsc. in Law]. Ryazan, 2016. 446 p. (In Russ.).
7. Lesnievski-Kostareva T. A. *Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice]. Moscow, 2000. 400 p. (In Russ.).
8. Mel'nikova Yu. B. *Differenciaciya otvetstvennosti i individualizaciya nakazaniya* [Differentiation of responsibility and individualization of punishment]. Krasnoyarsk, 1989. 115 p. (In Russ.).
9. Solov'ev O. G. *Prestupleniya v sfere nalogooblozheniya (st. 194, 198, 199 UK RF): problemy yuridicheskoy tekhniki i differenciacii otvetstvennosti. Diss. kand. yurid. nauk* [Crimes in the field of taxation (Articles 194, 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of legal technology and differentiation of responsibility. Diss. PhD. in Law]. Yaroslavl, 2002. 222 p. (In Russ.).
10. Chugaev A. P. *Individualizaciya otvetstvennosti za prestupleniya i ee osobennosti po delam nesovershennoletnih* [Individualization of responsibility for crimes and its features in juvenile affairs]. Krasnodar, 1979. 96 p. (In Russ.).